

Посвящается Элисон Саммерс

Прошлое не мертво. Оно даже не прошлое.

Уильям Фолкнер

К рассвету по меньшей мере половина шайки Келли была переранена, и вот тут в тылу полицейских цепей и появилось чудовище. Ничего человеческого в нем не было, это стало очевидным сразу же. Вместо головы только очень длинная толстая шея да необъятная грудь. Медленной неуклюжей походкой оно двинулось прямо под град пуль. Выстрелы следовали за выстрелами, не оказывая никакого действия, и непонятная фигура продолжала надвигаться на полицейских, иногда останавливаясь и медленно, механически поворачивая безголовую шею.

Я, б- -ский Монитор*.

У полицейских были новейшие винтовки Генри-Мартини, но пули отскакивали от кожи чудовища. Иногда оно отвечало револьверными выстрелами, но чаще било себя рукояткой револьвера по шее, и в утреннем воздухе удары эти гремели, будто молот кузнеца бил по наковальне.

По детям стреляете, ё- -ны псы. Меня вам не застрелить.

Когда фигура двинулась к овражку возле сухих эвкалиптов, полицейские принялись стрелять еще чаще.

---

* Броненосец особого типа во флоте северян (1862 год), считавшийся по тем временам неуязвимым. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Но фигура по-прежнему держалась прямо и продолжала наносить странные удары по собственной шее. Затем она остановилась, механическая башенка повернулась влево, в сторону невысокого толстячка в фетровой шляпе, который спокойно стоял рядом с деревом. Чудовище подняло пистолет, выстрелило, и человек в фетровой шляпе невозмутимо опустился на одно колено перед ним. Затем поднял свою винтовку и выстрелил дважды почти без паузы.

Мои ноги, ублюдок.

Фигура закачалась, зашаталась, точно пьяная, и через несколько секунд упала у сухого белого ствола. Еще через несколько секунд примитивный стальной шлем в форме перевернутого ведра был сорван с плеч упавшего. Им был Нед Келли, затравленный дикий зверь. Смертельно бледный, содрогающийся, лицо и руки окровавлены, грудь и бедра облегают стальная броня в четверть дюйма толщиной.

Тем временем человек, ответственный за происходящее, задернул свою занавеску, делая вид, будто и выстрелы, и вопли раненых его не касаются.

В сумерках полицейский эскорт сопровождал его с супругой из их коттеджа прямо на специальный поезд, так что он не присутствовал и не принимал участия в распродаже брони, и огнестрельного оружия, и волос, и патронов, устроенной в Гленроване 28 июня 1880 года. Тем не менее этот человек хранил сувенир о Бесчинствах Келли, и вечером двадцать восьмого тринадцать пачек замусоленных листов, все до единого исписанные характерным почерком Неда Келли, были отправлены в Мельбурн внутри металлического коффра.

Недатированное, написанное от руки сообщение в коллекции Публичной библиотеки Мельбурна (V.L. 10453).

ПАЧКА 1

Его жизнь до 12 лет

Бланки Национального банка. Почти наверное забраны из филиала Национального банка в Юроа в декабре 1878 года. Всего 45 листов среднего размера (примерно 8 × 10 дюймов), пробитые сверху дыроколом и одно время грубо сшитые. Сильно замусолены.

Содержит сообщения о его первых соприкосновениях с полицией, включая обвинение в трансвестизме. Некоторые воспоминания о семействе Куиннов и о переезде в селение Авенел. Утверждение, что его отец был несправедливо арестован за кражу телушки у Муррея. История, объясняющая происхождение кушака, теперь хранящегося в музее Исторического общества Беналлы. Смерть Джона Келли.

Отца я потерял в возрасте 12 л. и знаю каково это расти на лжи и умолчании моя милая доченька ты пока еще мала и не поймешь ни единого слова которое я пишу но история эта для тебя и лжи в ней не будет гореть мне в аду.

Даст Бог я доживу увидеть как ты читаешь эти самые слова и твое удивление и увижу как широко раскрываются твои темные глазки и рот раскрывается когда ты наконец поймешь всю меру несправедливости которую мы бедняки ирландцы терпели в нынешнем веке. Какой непонятной и странной долж-

на она казаться тебе и все грубые слова и жестокости о которых я теперь рассказываю остались далеко в старых временах.

Твой дедушка был тихим и скрытным человеком его забрали из родного дома в Типперери и отправили на корабле в тюрьму Вандименовой Земли не знаю что с ним там делали он никогда про это не говорил.

Когда они кончили его пытаться то освободили и он переплыл через море в колонию Виктория. К тому времени ему сравнялось 30 л. и был он рыжим в веснушках с глазами навсегда прищуренными от солнца. Мой батя зарекся иметь дело с полицией и когда увидел что улицы Мельбурна кишмя кишат полицейскими куда там мухам он прошел 28 мл. до селения Доннибрук и тогда или чуть попозже увидел мою мать. Эллен Куинн было 18 л. она была темноволосая и тоненькая и на лошади верхом он никого прекраснее не видывал но твоя бабушка была как ловушка расставленная Богом для Рыжего Келли. Она же была Куинн а полиция проходу Куиннам не давала.

1-е что я помню мамка разбивает яйца в миску и плачет потому что Джимми Куинна моего дядю 15 л. арестовали траппы. Не знаю где в тот день были мой батя и моя старшая сестра Энни. Мне было 3 г. Пока моя мать плакала я зачерпнул ложкой сладкое желтое тесто и съел его а крыша над чугунной печкой текла и каждая капля упав на нее шипела.

Моя мать положила колобок в тонкую тряпицу и завязала ее. Твоя тетя Магги была младенцем и моя мать завернула и ее потом вышла с узелочком и маленькой под дождь. Ну и мне надо было идти за ней вверх по холму и уж никогда не забуду лужи цвета горчицы и дождь коловший мне глаза как иголками.

Мы добрались до полицейского участка Бевериджа промокшие до костей и наверное от нас разило бед-

ностью точно псиной такой у нас был запах и по этой или какой другой причине нас выставили из комнаты сержанта. Я помню как сидел подсунув ручонки все в щипках под дверь и чувствовал кончиками пальцев чудесное тепло от огня. И все же когда нас наконец выпустили я смотрел не на весело пылающий огонь а только на огромного с красными брылями англичанина который сидел за письменным столом. Я не знал его имени а только то что сильнее его никого на свете нет и он может если захочет погубить мою мать.

Приблизься говорит он будто был алтарем.

Моя мать приблизилась и я подбежал рядом с ней. Она сказала англичанину что испекла колобок для его арестанта Куинна и будет весьма благодарна передать его ему потому как ее мужа дома нет а ей надо еще масло сбить и накормить свиней.

Никакого колобка арестанту сказал трапп а я чувствовал его чужацкий пряный запах и были у него усы поперек лица и череп просвечивал сквозь волосы.

Сказал он никакого колобка арестанту без моей проверки сперва и он взмахнул своей большой мягкой белой рукой таким образом указав чтоб моя мать поставила корзинку на стол. Он развязал тряпицу ногтями до того чистыми будто их вымыли негашеной известью и по сей день я вижу это синеватые инструменты как они разломали пополам колобок моей матери.

*Не бедность я ненавижу больше всего
и не вечное пресмыкание
но унижения которые они питают
от которых и пиявки не исцелят.*

Поставлю фунт тебе уже рассказывали историю как твоя бабушка выиграла в суде свое дело против Билла Фроста а потом водила буйный хоровод по

главной улице Беналлы. И ты уже знаешь что трусливой она не была никогда но тогда она знала что должна держать язык за зубами и потому она снова завязала теплые крошки в тряпицу и вышла под дождь. Я позвал ее но она не услышала и я пошел за ее юбкой через двор хлюпая грязью. Сперва я подумал что колотит она кулаками в дверь нужника и был ошарашен когда понял что внутри заперт мой молоденький дядя. За великое преступление что он угнал бычка с наростом на глазу его погребли в этой будке из нетесаных бревен с земляным полом не шире 6 фт. × 6 фт. и моей матери пришлось опуститься на колени в грязь и пропихивать разломанный колобок под дверь в очень узкую щель не шире 2-х д. Слишком узкую для этого.

Она кричала Господи помилуй нас Джимми что когда мы им сделали что они нас так мучают?

Моя мать никогда не плакала но теперь она плакала и я бросился к ней и уцепился за нее и целовал ее но она все равно не чувствовала что я был там. Слезы лились по ее красивому лицу пока она пропихивала намокшую в грязи тряпицу с колобком под эту дверь.

Она кричала будь я мужчиной я бы поубивала этих б-нов Богом клянусь. Она употребила много грубых выражений но я не стану писать их здесь. Только и слышалось ядри то ядри это и она вышибет им ихние прилагательные мозги.

Мальчику страшно слушать как его мамка говорит такое но я не знал до чего она дошла пока через 2 ночи не вернулся мой отец и она не сказала ему то же самое слово в слово.

Ты не понимаешь о чем говоришь сказал он.

Ты трус закричала она. Я заткнул уши и спрятал лицо в подушку из мешковины но она стояла на сво-

ем а мой отец не хотел идти против закона. Жалко я не знал своих родителей когда они истинно любили друг друга.

Со временем ты узнаешь что твой дед был человеком со своими тайнами и что говорил он одно а делал другое хотя тебе покуда достаточно знать что моя мать думала про моего отца одно а полиция как раз наоборот. Она считала что он Майкл Мякиш. А они знали что он прошел школу Вандименовой Земли и был преступником с рождения и по ремеслу и через женитьбу и то и дело проверяли клейма на нашей скотине или просеивали нашу муку в поисках крадевого но никогда ничего не находили кроме мышиного помета видно их на его вкус так и тянуло.

Да и бабушка твоя ненавидела полицию вовсе не так сильно как тебе могло показаться по ее брани. Может она и желала их поубивать да только была не прочь прежде немножко выпить с ними и поболтать. Был 1 сержант О'Нил по имени и моя мать вроде бы отличала его от остальных. Я теперь говорю о более позднем времени мне уже было 9 л. потому как наша сестренка Кейт только-только родилась. Наш отец был в отъезде перегонял гурт по найму и наша хижина стала еще теснее когда 6 детей спали там в путанице лоскутных занавесок которые мать развесила взамен стенок. Жили мы будто в шкафу где платья висят.

В этот мир теней заходил сержант О'Нил со странными белесыми волосами которые он все время расчесывал будто девушка перед танцем и с нами детьми держался о. по-дружески и в вечер о котором речь он принес мне в подарок карандаш. В школе мы писали грифелями а к карандашу я раньше и не прикасался и совсем голову потерял от сладкого запаха сосны и графита пока сержант натачивал свой подарок он был со мной по-отцовски ласковым и усадил

меня у конца стола с чистым листом бумаги. Моя сестра Энни была на 1 г. старше и ничего от сержанта О'Нила не получила но это уже другая история.

Я принялся исписывать мой лист буквами азбуки. Моя мать сидела у другого конца стола с сержантом и когда он достал свою серебряную пряжку я на них внимания обращал не больше чем на Энни + Джема + Магги + Дэна. После того как я написал все буквы заглавными то начал писать маленькие и до того сосредоточился что голос моей матери донесся словно о. издалека.

Убирайся из моего дома.

Я посмотрел и увидел что сержант О'Нил прижимает ладонь к щеке. Думаю она закатила ему пощечину потому как физиономия у него стала о. красной.

Убирайся закричала моя мать нрав у нее был ирландский и мы давно к такому привыкли.

Эллен успокойся ты же знаешь что я ничего неприличного не хотел.

Ядри отсюда закричала моя мать.

Голос полицейского стал суровее. Эллен сказал он ты не должна употреблять такие слова когда говоришь с офицером полиции.

Для моей матери это было почище красной тряпки и она взвилась со стула. Дворняга ты ядреный крикнула она еще громче. Ты бы не сказал такого не будь мой муж в отъезде.

В последний раз предупреждаю вас миссис Келли.

Тут моя мать схватила чашку сержанта и выплеснула на земляной пол. Арестуй меня закричала она арестуй меня трус.

Тут проснулась маленькая Кейт и заплакала. Джему было 4 г. он сидел на полу и играл в кости но когда бренди хлестнул по полу рядом с ним он к костям больше не притронулся. У меня другой характер и я пошел к матери.

Ты слышал как твоя мать назвала меня трусом старина?

Я ее не предал а обошел стол и встал рядом с ней. А он сказал Ты вроде бы писал Нед?

Я взял руку моей матери и она оперлась на мое плечо.

Ты же у нас ученый верно спросил он меня.

Я сказал что ученый.

Тогда ты должен знать историю трусов. Я был сбит с толку и покачал головой.

Тут О'Нил вскочил на ноги и показав все начищенное протяжение полицейских сапог сказал разреши молодой человек пополнить твое образование. Нет сказала моя мать став совсем другой. Пожалуйста не надо.

Минуту назад вид у О'Нила был окостенелый и встревоженный но теперь он словно бы гарцевал. Нет надо сказал он все дети должны знать их историю это же так важно.

Моя мать выдернула свою руку из моей и протянула ее но ольстерец нырнул за 1-ю занавеску потом вынырнул и замелькал туда-сюда и вокруг нашей семьи и даже погладил маленького Дэна по шелковистой головенке. Моя мать боялась лицо у нее было бледное и замороженное. Прошу тебя Кевин. Но О'Нил уже рассказывал нам эту свою историю и мы притихли слушая его имел он такой дар. Это была история человека из Типперери по имени просто Некий Мужчина или Тот Кого я не назову. Он сказал, что у Некого Мужчины был зуб на фермера который законно отобрал землю у своего арендатора и Тот Кого и т.д. сговорился со своими друзьями убить фермера.

Прости сказала моя мать я ведь уже извинилась.

Сержант О'Нил с насмешливым поклоном продолжал свою историю без пощады и рассказывал как

Некий Мужчина сначала написал угрожающее письмо скваттеру. Когда же скваттер пренебрег письмом и выселил арендатора Этот Некий Мужчина глухой ночью созвал СОБРАНИЕ ИЗБРАННЫХ своих товарищей в часовне где они испили виски из Святой Чаши и поклялись на Святом Писании и тогда он сказал им Братья ибо мы здесь все братья и поклялись всем что свято. Братья готовы вы во имя Божье исполнить свою клятву? Они сказали что да готовы и поклялись а когда завершили свое богохульничество то ринулись к дому фермера с деревянными пиками и горящими головнями.

История эта словно бы захватила самого сержанта О'Нила его голос становился все громче он говорил что дети фермера кричали у окошек прося пощады но их дом подожгли а тех кто выбежал забивали и матерей и младенцев на их руках сержант не щадил и нас он расписывал расправу во всех подробностях мы дети слушали разиня рты не только про жуткое преступление но еще и про арест Виновных и предательство Этого Некого Мужчины который выдал всех кого втянул в свой заговор. Сообщников повесили за шею до смерти и ольстерец помог нам вообразить как это было не скрыл ни единой подробности.

Что было дальше спросил он а мы не могли ответить даже заговорить и услышать не хотели.

Этот Некий Мужчина свою жизнь сохранил был сослан на Вандименову Землю. И с этим сержант О'Нил вышел из нашего дома в темноту.

Мать ничего больше не сказала она ничего не сказала даже когда мы услышали как кобыла сержанта зарысила по темной дороге вверх по холму к Бевериджу я спросил ее кто Этот Некий Мужчина про которого он говорил а она закатила мне такую оплеуху

что больше я ни разу не спросил. Со временем я понял что речь шла о моем собственном отце.

Память о словах полицейского пряталась во мне как яйцо печоночника и пока я подрастал клевета эта все глубже и глубже забиралась ко мне в сердце и там разжирела.

Сержант О'Нил заразил мое мальчишеское воображение мыслями которые множились как червяки в падали в жаркий день и можно бы подумать что победа его была полной но он только сильнее допекал моего отца поднимал с кровати когда тот был пьян или крепко спал и всегда подначивал и изводил меня если встречал на улице.

Он издевался над моей одеждой что у меня нет башмаков и куртки. Руки и ноги у меня торчали я стеснялся и не мог пройти с приятелями мимо полицейского участка без того чтоб он не уязвил меня насмешкой. Я делал вид будто только смеюсь и не показывал что он задевает меня за живое.

И вот во время ненавистного правления сержанта О'Нила мы прослышали что мистер Рассел хозяин станции Фостер-Даун решил продать большой гурт бычков и стельных коров а еще знаменитого быка которого по слухам выписал из Англии за 500 фунтов. К таким событиям мы в Беверидже были непривычны в небольшом поселке растянувшемся вверх по крутому склону который последними словами ругали все гуртовщики между Мельбурном и рекой Муррей. На $\frac{1}{2}$ вверх по склону был трактир и кузня а дальше к западу католическая школа. Холм этот был не под силу даже жестоким ветрам которые огибали его и с воем устремлялись к нашей хижине вниз. К западу от дороги вода была соленой. На нашей стороне вода была хорошей но местность все равно называ-

лась Легочной Равниной. Никто никогда не приезжает в Беверидж здоровья ради.

Из-за Аукциона этого все переменялось вдруг нахлынули скваттеры* и перекупщики и даже ветеринар из Мельбурна с ними и эти приезжие разбили лагерь рядом с болотом между нашим участком и холмом. И болтовня + бахвальство + хлебание грога + скачут взад-вперед по Мельбурнской дороге по лучше всякого цирка для нас мальчишек торчавших у гати поглазеть на лихих наездников. День за днем Джем и я бежали в школу кружным путем посмотреть сколько новых палаток поднялось у болота. Нам не терпелось увидеть гурт но только в сумерках накануне Аукциона ветер донес то особо тоскливое мычание которое раздаётся когда скотину гонят по незнакомой дороге.

Я сказал Дjemu что пойду навстречу.

И я.

Мы не кончили кормить свиней да босыми ногами да по твердой каменистой земле но мы были привыкшие и влетели прямо в кукурузу. Говорит Джем.

Ух и выдерут нас.

А мне все равно.

И мне все равно.

Мы как раз добрались до болотного камыша когда показался гурт и затопил гладкий зеленый холм Бевериджа будто приливная волна и лоснящееся богатство всего мира покатилося вниз к нам и к воде. Черт ты погляди на них на черных сказал Джем.

Из 7 гуртовщиков 5 были чернокожие и они ехали впереди урагана в кумачовых шарфах на шеях и в сапогах с резинками сбоку. Говорит Джем.

Ты погляди на ихние сапоги.

---

* В Австралии крупные скваттеры.

Черт их дери сказал я. Да черт дери сказал Джем мы росли зная что ниже чернокожих никого на свете нету но в сапогах-то были они а не мы и на бегу мы посылали их и к черту и к дьяволу. Скоро мы выбрались на ухабистую всю в колдобинах Мельбурнскую дорогу и обогнали Прыща Морана ему было 16 л. долговязый верзила да только мы бегали быстрее.

Подождите меня за- -цы поганые.

Но нам было не до Прыща не до кого другого прошлепали по Трясинной гати до занозистой верхней жерди загона. Моран про нашу победу ни словечка но свернул себе сигарку и повисшая борода табака посыпалась тлеющими искрами на землю. Поглядите-ка на этих на за — ных черных.

А мы их уже видели.

Я услышал звяканье уздечки обернулся и увидел что к нам подъехал мучитель моего отца сержант О'Нил отпустил стремена так низко что доставал до них только носками по английской моде. Лошадь у него была 17 ладоней и он о себе невесть что воображал а дай кому-нибудь из нас мальчишек хоть пони и мы бы заставили его наглотаться пыли.

Прыщ Моран сказал Поглядите-ка на этих черных сержант вы видели ихние прилагательные сапоги как по-вашему сколько сэр такие сапоги стоят?

О'Нил не ответил а наклонился в седле и поглядел вниз на меня из-под козырька своей каски глазами водянистыми как банка с джином. А молодой Келли сказал он.

Здравствуйте сержант сказал я до того привыкнув к его издевам что думал после слов Морана про сапоги он съязвит что-нибудь про мои босые ноги. Говорю я ну и бычише же черт побери говорят он стоил 500 фунтов.